

ЛИЗА ЛАВ

Хомер
С ВИДОМ
на прошлое

РОМАН

Лиза Лав

Номер с видом на прошлое

«Автор»

2026

Лав Л.

Номер с видом на прошлое / Л. Лав — «Автор», 2026

После болезненного разрыва Элиза Морен уезжает в старый прибрежный отель на севере Франции, надеясь спрятаться от прошлого. Но вскоре она замечает: гости отеля встречают здесь тех, кого когда-то потеряли, не выбрали или не успели полюбить. Кто-то видит первую любовь, кто-то — жизнь, которая могла бы сложиться иначе. А Элиза встречает Адриана Вальтера — мужчину, которого никогда раньше не знала. И все же рядом с ним у нее возникает чувство, будто между ними уже была целая жизнь. Пока за окнами бушуют штормы, а отель все сильнее затягивает своих постояльцев в несбывшиеся судьбы, Элиза пытается понять, кто он на самом деле. Потому что у этого места есть цена: когда правда откроется, одному из них придется исчезнуть.

© Лав Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прибытие	5
Глава 2. Bellevue des Brumes	10
Глава 3. Шаги за стеной	17
Глава 4. Утро после голосов	23
Глава 5. Край скалы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лиза Лав

Номер с видом на прошлое

Глава 1. Прибытие

Элиза Морен приехала в Бретань в тот час, когда день уже почти погас, но ночь еще не вступила в свои права окончательно. За окнами поезда долго тянулись серые поля, низкие каменные дома, редкие огни, мокрые изгороди, а потом вдруг все открылось — темное море вдалеке, тяжелое небо и ветер, от которого даже стекло казалось холоднее.

На маленькой станции было почти пусто.

Когда Элиза сошла на платформу, ей на мгновение показалось, что она ошиблась местом. Здесь не было ни суеты, ни голосов, ни привычного движения, которое помогает человеку не оставаться наедине с собой. Только запах сырости, соли и железа, старый фонарь у выхода и женщина в темно-синем плаще, торопливо уводившая с платформы мальчика лет десяти.

Элиза поправила ремень дорожной сумки и задержалась под козырьком станции, пока дождь, больше похожий на морскую пыль, колот лицо. Она почти не спала прошлой ночью и сейчас чувствовала не столько усталость, сколько странную пустоту — как будто внутри нее после последних месяцев осталось слишком много тишины.

Такси ждало у обочины.

Водитель, седой мужчина с резким профилем и красными от холода руками, молча взял ее чемодан, бросил в багажник и только когда машина тронулась, спросил:

— В отель?

— Да.

— Bellevue des Brumes?

Элиза кивнула.

Он коротко посмотрел на нее в зеркало, будто хотел что-то добавить, но передумал.

Дорога шла вдоль скалистого побережья. Море то исчезало за черными холмами, то внезапно открывалось между каменными стенами и зарослями утесника — темное, тяжелое, с белыми вспененными линиями у берега. Ветер гнул редкие деревья, и они стояли, как живые существа, привыкшие к постоянному сопротивлению.

Элиза смотрела в окно, не пытаясь ни о чем думать. Все важное она уже передумала раньше, в Париже, в бессонные ночи, в молчаливых утрах на кухне, где чашка кофе стояла напротив пустого стула, к которому она еще несколько недель продолжала поворачиваться по привычке.

Тома ушел не с криком и не со скандалом.

Это, пожалуй, и оказалось самым жестоким.

Он уходил долго, осторожно, почти бережно, как человек, который заранее знает, что его нельзя остановить. Сначала поздние возвращения, потом рассеянность в разговоре, потом выражение лица, с которым люди смотрят не на тебя, а мимо — туда, где уже начинается их следующая жизнь.

Когда он наконец сказал: «Я больше не уверен», Элиза почувствовала не боль даже, а холодную ясность. Как будто давно жила в доме, стены которого уже треснули, просто не хотела смотреть наверх.

Потом выяснилось, что «не уверен» означало другую женщину, другую квартиру, другой выбор, сделанный задолго до признания.

Элиза не устраивала сцен. Не умоляла. Не спрашивала, чем та лучше. Не обещала измениться. Она просто стояла у окна, пока он собирал вещи, и с непонятным для самой себя вниманием следила за тем, как дождь медленно ползет по стеклу.

После этого было несколько недель, в которых все выглядело как обычно и при этом перестало быть настоящим. Работа, сообщения, встречи, магазин за углом, шум метро, голос матери по телефону, подруги, говорившие правильные слова. Все это существовало, но словно не касалось ее по-настоящему.

Потом однажды ночью, почти не думая, она нашла в сети старый прибрежный отель на севере Франции.

Фотографии были тусклые и какие-то немодные: деревянные лестницы, потемневшие от времени перила, окна, выходящие на море, камин в гостиной, сад, из которого видны скалы. Ни одного жизнерадостного описания. Ни слова о роскоши. Только короткая фраза внизу страницы:

Для тех, кому нужно время.

Она забронировала номер сразу.

Теперь, когда машина поднималась все выше по узкой дороге над морем, Элиза уже не была уверена, что сделала это из здравого смысла. Скорее из усталости. Из желания попасть туда, где никто не будет знать, как она выглядела до того, как все разрушилось.

— Вы надолго? — вдруг спросил водитель.

— На две недели.

Он снова посмотрел в зеркало.

— Обычно туда не приезжают надолго.

— Почему?

Мужчина пожал плечами.

— Погода.

Это прозвучало слишком просто, чтобы быть ответом, но Элиза не стала продолжать. Они уже сворачивали к отелю.

Bellevue des Brumes стоял на самом краю скалистой линии, чуть в стороне от дороги, словно был построен не для приезжающих, а для тех, кто однажды случайно дошел до края земли и решил остаться. Трехэтажное здание из темного камня, с высокими окнами и островерхой крышей, казалось одновременно прочным и уязвимым перед ветром. Несколько окон светились теплым желтым светом. Остальные были темны.

На вывеске, чуть потускневшей от соли и времени, золотыми буквами значилось: **Bellevue des Brumes.**

«Прекрасный вид на туманы».

Название показалось Элизе красивым и тревожным одновременно.

Водитель вынес ее чемодан, поставил у ступеней и, прежде чем сесть обратно в машину, сказал:

— Если ночью услышите море слишком близко, не открывайте окно.

Элиза нахмурилась.

— Простите?

Но он уже захлопнул дверцу. Через секунду такси развернулось и исчезло в сыром сумраке дороги.

Несколько мгновений Элиза стояла одна.

Ветер трепал волосы, дождь оседал на пальто, где-то внизу, за скалами, глухо и ровно билось море. Отель смотрел на нее темными окнами второго этажа, и от этого взгляда без глаз ей вдруг стало не по себе.

Она поднялась по каменным ступеням и нажала на латунную ручку.

Дверь открылась почти сразу — как будто ее ждали.

Внутри было тепло, полутемно и тихо. Не мертво тихо, а так, как бывает в старых домах, где тишина складывается из множества мелких звуков: потрескивания дерева, далекого дрожания стекол от ветра, шороха ткани, едва слышного хода часов.

Холл оказался небольшим и удивительно уютным. Темное дерево, высокий потолок с балками, выцветший ковер, старое зеркало в резной раме, лампы под матовыми абажурами. Слева виднелась гостиная с камином, справа — узкий коридор, уходящий вглубь дома.

За стойкой регистрации стояла женщина лет шестидесяти с гладко убранными седыми волосами и очень спокойным лицом.

— Мадемуазель Морен, — сказала она так, будто Элиза не приехала, а вернулась. — Добро пожаловать.

— Добрый вечер.

— Меня зовут мадам Бове. Я управляю отелем. Надеюсь, дорога была не слишком тяжелой.

— Нормально.

Слово прозвучало автоматически. Элиза сразу почувствовала, как устала от всех этих «нормально», «все в порядке», «спасибо, я справляюсь».

Мадам Бове, кажется, это уловила, но не стала ни о чем спрашивать.

— Ваш номер готов. Третий этаж, комната двенадцать. Вид на море.

Она положила на стойку старомодный медный ключ с тяжелым брелоком. Никаких плаستيновых карт.

— Ужин подаем до девяти. Если захотите чай позже, просто позвоните с внутреннего телефона. Связь здесь иногда работает не слишком хорошо, но внутри отеля обычно все в порядке.

— Спасибо.

— И еще, мадемуазель Морен.

Элиза подняла глаза.

— Если ночью вам покажется, что вы слышите чужие шаги или голоса, не пугайтесь. В старых домах звук часто ведет себя странно.

Сказано это было ровно, почти буднично.

Но у Элизы по спине прошел холодок.

— Такое часто бывает?

— Здесь часто бывает ветер, — ответила мадам Бове. — Остальное люди обычно объясняют себе сами.

С этими словами она взяла чемодан, как будто не замечая попытки Элизы возразить, и повела ее вверх по лестнице.

Ступени мягко поскрипывали под ногами. На втором этаже был длинный коридор с закрытыми дверями, картинами морских штормов и узкими окнами, в которые било темное стеклянное отражение ночи. На третьем — еще тише, еще уже, еще более ощутимо старо. Здесь воздух пахнул древесиной, лавандой и чем-то чуть солоноватым, словно море все-таки проникало внутрь.

Комната двенадцать оказалась в самом конце коридора.

Мадам Бове открыла дверь и отступила, пропуская Элизу вперед.

Номер был небольшим, но удивительно красивым. Узкая кровать с высоким изголовьем, кресло у окна, круглый столик, старый шкаф, латунная лампа, бледные обои с почти стертым цветочным узором. И большое окно, за которым смутно угадывалась линия моря.

Все выглядело так, будто время здесь не остановилось, а просто замедлилось.

— Если что-то понадобится, дайте знать, — сказала мадам Бове. — Завтрак с семи до десяти.

Она поставила чемодан у шкафа и уже собиралась уйти, но Элиза вдруг спросила:

— Здесь много гостей?

Пауза длилась всего секунду.

— Сейчас нет, — ответила мадам Бове. — Не сезон для тех, кто ищет развлечений.

— А для кого сезон?

Женщина посмотрела на нее спокойно и чуть печально.

— Для тех, кому нужно переждать.

После этого она вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Элиза осталась одна.

Сначала она просто стояла посреди комнаты, не снимая пальто, и слушала. Ветер. Едва слышный гул моря. Где-то далеко, внизу, стукнула дверь. Потом снова тишина.

Она подошла к окну и отвела тяжелую штору.

За стеклом была ночь, туман и море — почти неразличимое, но присутствующее всем своим огромным, темным телом. Волны белели внизу у скал, как разорванные ленты. На мгновение Элизе показалось, что у самого края обрыва кто-то стоит.

Высокая темная фигура, неподвижная, лицом к воде.

Сердце у нее дрогнуло.

Она моргнула, взгляделась — и фигуры уже не было. Только качнулись кусты под ветром и снова распались в сером полумраке.

— Прекрасно, — тихо сказала она самой себе. — Ты еще даже не распаковалась, а уже начинаешь видеть лишнее.

Она сняла пальто, села на край кровати и только тогда почувствовала, насколько на самом деле вымотана. Не дорогой, не погодой и даже не одиночеством.

Тем, что слишком долго держала себя в руках.

На столике у кровати лежала небольшая карточка с правилами отеля. Элиза взяла ее без особого интереса.

Несколько обычных пунктов: завтрак, ужин, просьба не курить в номерах, беречь старую мебель, закрывать окна в шторм.

Последняя строчка была набрана более мелким шрифтом:

Если вам покажется, что вы узнали кого-то из тех, кого здесь быть не может, пожалуйста, не торопитесь стучать в чужие двери.

Элиза перечитала это дважды.

Потом усмехнулась — коротко, без веселья.

— Очень смешно.

Карточка дрогнула в ее пальцах, хотя в комнате не было сквозняка.

Она положила ее обратно и подошла к чемодану. Надо было разобрать вещи, умыться, спуститься на ужин, сделать хоть что-то простое и земное, чтобы вернуть себе ощущение реальности.

Но вместо этого Элиза снова посмотрела в окно.

И в этот раз она увидела свет.

Не в море. Не на дороге.

В одном из дальних окон противоположного крыла отеля, которое с ее стороны было видно наискосок.

Там, за стеклом, стоял мужчина.

Он не двигался. Просто смотрел в темноту, положив руку на раму. Лица было не разглядеть, только силуэт — высокий, прямой, удивительно спокойный. И все же в ту самую секунду, когда Элиза заметила его, ее охватило странное, почти болезненное чувство.

Не интерес.

Не страх.

Узнавание.

Настолько сильное, что у нее перехватило дыхание, словно она внезапно увидела не незнакомца, а человека, которого любила когда-то очень давно и которого почему-то забыла.

Мужчина чуть повернул голову, будто почувствовал ее взгляд.

И хотя между ними были стекло, туман, темнота и целый внутренний двор, Элиза вдруг ясно поняла: он тоже знает, что она здесь.

Внизу ударила волна.

Дом тихо вздохнул старым деревом.

А потом в коридоре за дверью послышались шаги.

Медленные. Ровные. Как будто кто-то шел к ее номеру.

Элиза замерла.

Шаги остановились прямо у двери.

Тишина стала такой плотной, что в ней было слышно собственное сердце.

Она ждала стука.

Но стука не было.

Через несколько секунд шаги двинулись дальше — неторопливо, едва слышно, растворяясь в глубине коридора.

Элиза не сразу поняла, что все это время сжимала пальцами край подоконника так сильно, что побелели костяшки.

Она отступила от окна.

Мужчины в дальнем окне уже не было.

Только туман. Море. И отражение ее собственного лица — бледного, усталого и слишком настороженного для первого вечера в месте, куда она приехала просто отдохнуть от боли.

Но в глубине себя Элиза уже знала: отдыхать здесь у нее не получится.

Глава 2. Bellevue des Brumes

Элиза спускалась к ужину медленно, держась рукой за гладкие деревянные перила, отполированные временем до мягкого тусклого блеска. Дом под ногами жил своей собственной незаметной жизнью: где-то поскрипывала доска, дрожал от ветра оконный переплет, глухо отзывалась лестница. После шагов у ее двери и фигуры в дальнем окне ей не хотелось оставаться в номере одной, но и встречаться с людьми тоже не хотелось. Она еще не решила, какое из двух одиночеств переносить легче.

Внизу запахло теплым хлебом, вином и травами.

Столовая располагалась за гостиной, окнами на море. Помещение было длинным, с низко опущенными лампами, белыми скатертями и темными деревянными панелями на стенах. Здесь могло бы быть уютно, почти празднично, если бы не явная полупустота. Из десяти столов заняты были только три.

У окна сидела пожилая женщина в темно-зеленом платье и с серебряной брошью у воротника. Она ела медленно, почти не глядя в тарелку, но лицо ее было обращено не к еде, а куда-то мимо стекла, в ночь. За соседним столом — мужчина лет сорока пяти, сухощавый, с утомленным лицом и аккуратной подстриженной бородой. Он держал в руке бокал, но не пил. Его взгляд все время скользил к двери, как будто он кого-то ждал. Третьим оказался молодой человек лет двадцати семи с бледной кожей, светлыми волосами и раскрытой книгой рядом с тарелкой. Он сидел так тихо, будто боялся нарушить правила какого-то невидимого ритуала.

Элиза остановилась на пороге, и в этот момент мадам Бове, словно почувствовав ее смущение, появилась рядом.

— Вы можете сесть там, — мягко сказала она, указывая на стол чуть в стороне от остальных. — Если захотите, позже подам кофе в гостиную.

— Спасибо.

Элиза заняла место, сняла кардиган с плеч и только тогда позволила себе украдкой оглядеться. Атмосфера в столовой была не просто тихой — настороженной. Люди здесь не были похожи на обычных постояльцев маленького приморского отеля. В них всех чувствовалось что-то общее: не возраст, не происхождение, а особый вид усталости. Как будто каждый приехал сюда не отдохнуть, а выдержать что-то, что оказалось сильнее его обычной жизни.

Официантки не было. Мадам Бове обслуживала гостей сама. Она принесла Элизе тарелку рыбного супа, корзину с хлебом и маленький графин белого вина.

— Обычно в это время года у нас спокойно, — сказала она. — Если захотите что-нибудь еще, просто позовите.

— Вы здесь одна работаете?

— Почти всегда.

— И справляетесь?

В уголках губ мадам Бове появилась тень улыбки.

— Этот дом не любит лишнего шума.

Она ушла прежде, чем Элиза успела спросить, шутит она или нет.

Суп был горячим, густым, с шафраном и резким запахом моря. Элиза поняла, что за весь день почти ничего не ела, и несколько ложек вернули ей чувство тела, реальности, земли под ногами. Она уже начала успокаиваться, когда услышала, как пожилая женщина у окна тихо произнесла:

— Сегодня он снова пришел раньше.

Это было сказано не ей. Скорее в пространство.

Мужчина с бородой поднял на женщину глаза.

— Вы уверены, что это был он?

— Я была замужем за ним девять лет, месье Лоран, — ответила она. — Я узнаю его походку даже теперь.

Наступила неловкая тишина. Молодой человек с книгой резко опустил взгляд в тарелку, будто слишком хорошо знал, о чем идет речь, и не хотел быть втянутым в чужой разговор.

Элиза непроизвольно сжала ложку.

Мадам Бове появилась рядом с пожилой женщиной так тихо, словно стояла там все это время.

— Мадам Вернье, вам принести чай после ужина?

Женщина моргнула, словно возвращаясь откуда-то издалека.

— Да. Пожалуйста.

Разговор оборвался.

Элиза заставила себя не смотреть на остальных. Ей не хотелось уже в первый вечер становиться частью здешней странности. И все же она слишком ясно чувствовала, что сказанное не было ни оговоркой, ни старческой путаницей. В голосе мадам Вернье звучала простая убежденность человека, который не сомневается в увиденном.

Когда суп закончился, мадам Бове принесла основное блюдо — запеченную рыбу с картофелем и фенхелем — и поставила рядом зажженную свечу. Пламя слегка качнулось, хотя окна были плотно закрыты.

— Если вы не против, — сказала она, — позже к вам, возможно, присоединится еще один гость. Он обычно ужинает поздно.

— Тот мужчина из дальнего крыла? — спросила Элиза быстрее, чем успела подумать.

Мадам Бове посмотрела на нее внимательно.

— Вы уже кого-то заметили?

Элиза тут же пожалела о вопросе.

— Нет. Просто в окне был свет.

— В отеле иногда горит свет там, где люди долго не могут уснуть, — сказала мадам Бове.

— Ничего необычного.

Это был ответ, который ничего не объяснял.

— А сколько сейчас гостей? — спросила Элиза.

— С вами пятеро.

— Только пятеро?

— Иногда этого более чем достаточно.

Мадам Бове снова ушла.

Элиза почувствовала, как по спине проходит слабая дрожь. Ей хотелось взять телефон, открыть что-нибудь привычное, уцепиться взглядом за новости, сообщения, бессмысленные слова из внешнего мира. Но сеть почти не ловила. На экране висела одна тонкая полоска сигнала, которая то появлялась, то исчезала.

Она уже собиралась убрать телефон обратно, когда на соседний стул напротив нее легла чья-то рука.

— Простите, здесь свободно?

Элиза подняла глаза.

Это был он.

Мужчина из окна.

Вблизи он оказался моложе, чем ей показалось издалека, — лет тридцати пяти, может, чуть старше. Темные волосы, серые глаза, лицо, в котором не было ничего слишком правильного или намеренно эффектного, но было то редкое сочетание спокойствия и внутренней собранности, из-за которого человек сразу выделяется среди других. На нем был темный свитер и светлая рубашка без галстука. Ни тени неловкости, ни излишней уверенности — только странная тихая внимательность.

И это мучительное чувство узнавания.

Настолько сильное, что Элиза не сразу смогла ответить.

— Да, конечно.

Он сел напротив.

— Благодарю.

Несколько секунд между ними лежала пауза, которую любой другой заполнил бы дежурной фразой о погоде, дороге, кухне. Но он молчал, и Элиза вдруг поняла, что молчание рядом с ним не кажется пустым. Скорее наоборот — слишком наполненным чем-то, чему еще не дали имени.

Наконец мужчина сказал:

— Мы, кажется, приехали почти одновременно. Я видел, как вы входили.

— А я видела свет в вашем окне.

Он чуть улыбнулся.

— Значит, это был честный обмен наблюдениями.

Элиза тоже слабо улыбнулась, скорее из вежливости.

— Элиза Морен.

— Адриан Вальтер.

Имя легло в память сразу, без усилия. Будто было знакомым давно.

— Вы давно здесь? — спросила она.

— Несколько дней.

— И как вам?

Он на мгновение перевел взгляд к окну, за которым темнело море.

— Здесь проще слышать то, что обычно заглушает город.

— Это звучит не слишком успокаивающе.

— А вы искали успокоение?

Вопрос был задан мягко, но попал слишком точно.

Элиза опустила глаза в тарелку.

— Я искала место, где меня никто не знает.

— Иногда это почти одно и то же.

Мадам Бове принесла ему ужин без всяких уточнений, словно выбор был сделан заранее. Адриан поблагодарил ее кивком. Она задержала на нем взгляд дольше, чем на других, и Элизе почудилось в этом немом обмене какое-то старое, не до конца понятное соглашение.

— Вы часто приезжаете в такие места? — спросил Адриан, когда мадам Бове ушла.

— Никогда. А вы?

— Иногда.

— «Иногда» — это когда хочется исчезнуть?

— Или когда не получается остаться там, где ты есть.

Ответ снова прозвучал так, будто имел больше слоев, чем было слышно на поверхности.

Элиза решила сменить тему.

— Вы француз?

— Наполовину. Мать была немкой. Отец — из Эльзаса. А вы парижанка?

— Уже давно. Но родилась в Лионе.

— Значит, вам здесь должно быть особенно непривычно.

— Из-за моря?

— Из-за тишины.

Элиза хотела сказать, что после последних месяцев тишина — единственное, что она еще способна переносить. Но не сказала. Не из осторожности даже, а потому, что рядом с этим человеком ей вдруг не захотелось говорить привычными формулами. Казалось, он услышит в них пустоту.

— А вам привычно? — вместо этого спросила она.

Адриан чуть помедлил.

— Нет. Но мне кажется, некоторые места узнаешь быстрее, чем людей.

— А некоторых людей — быстрее, чем места, — вырвалось у нее.

Он посмотрел на нее внимательно.

Не пристально. Не вызывающе. Но так, будто проверял, осознанно ли она сказала это.

— Да, — произнес он наконец. — Бывает и так.

Элиза почувствовала, как к щекам приливает тепло, и тут же раздраженно велела себе перестать. Она приехала сюда не за флиртом, не за неожиданными знакомствами и уж точно не за тем, чтобы искать смысл в паузах незнакомца.

Чтобы отвлечься, она оглядела столовую.

Мадам Вернье уже ушла. Мужчина с бородой по-прежнему сидел над пустым бокалом, но теперь его взгляд был направлен не на дверь, а на Адриана. В этом взгляде было не любопытство, а что-то более сложное — тревога, настороженность, может быть, даже неприязнь. Молодой человек с книгой тоже поглядывал в их сторону, затем быстро отворачивался.

— Такое ощущение, будто здесь все друг друга знают, кроме меня, — сказала Элиза вполголоса.

— Не совсем знают, — ответил Адриан. — Скорее, догадываются друг о друге больше, чем хотелось бы.

— Вы говорите так, будто это место работает как исповедь.

— Иногда хуже.

— Хуже исповеди?

— Исповедь хотя бы предполагает прощение.

Откуда-то из глубины дома донесся глухой звук, похожий на захлопнувшуюся дверь. Все в столовой на мгновение замерли.

Элиза это заметила.

— Что это было?

— Ветер, — слишком быстро ответил мужчина с бородой.

Но Адриан не сказал ничего. Только чуть повернул голову, прислушиваясь.

Потом где-то наверху раздался женский смех.

Короткий, молодой, очень ясный.

И тут же оборвался.

Элиза подняла глаза к потолку.

— Здесь есть еще кто-то?

Никто не ответил сразу.

Наконец мадам Бове, стоявшая у двери со сложенным полотенцем в руках, произнесла ровно:

— В старых домах часто слышно то, что давно прошло.

Слова повисли в воздухе.

Элиза медленно поставила бокал на стол.

— Это у вас такая местная манера шутить?

Мадам Бове смотрела на нее без тени улыбки.

— Нет, мадемуазель Морен. У нас просто не принято спорить с тем, что уже вошло в дом.

После этого она ушла на кухню.

— Мне начинает казаться, что я попала в очень дорогую и очень странную постановку, — пробормотала Элиза.

К ее удивлению, Адриан тихо рассмеялся.

Смех у него был редкий, низкий, короткий, как будто он давно не позволял себе делать это свободно.

— Если да, — сказал он, — то вы не единственная, кто не читал сценарий.

Когда ужин закончился, мужчина с бородой встал первым. Проходя мимо их стола, он коротко кивнул Элизе и задержал взгляд на Адриане.

— Не советую долго гулять у обрыва, — произнес он сухо. — Особенно ночью.

— Спасибо за заботу, Лоран, — спокойно ответил Адриан.

Месье Лоран не ответил и ушел.

— Он вас не любит? — спросила Элиза.

— Он меня не понимает.

— Это разные вещи.

— Не всегда.

Молодой человек с книгой тоже вскоре покинул столовую, почти бесшумно. В комнате стало еще тише. За окнами усиливался ветер. Стекла едва заметно дрожали.

— Хотите кофе? — спросил Адриан.

Элиза колебалась. В нормальной жизни она бы отказалась. Все правила осторожности, которыми взрослые люди прикрывают собственную уязвимость, требовали сейчас вежливо пожелать спокойной ночи и подняться к себе. Но она слишком давно не чувствовала ничего, кроме опустошения. А рядом с ним, как ни странно, возникало не облегчение, а возвращение чувств — опасное, резкое, живое.

— Да, — сказала она. — Наверное.

Они перешли в гостиную.

Здесь горел камин. Пламя было небольшим, но настоящим, и от этого комната казалась теплее, чем была на самом деле. На низком столике стояли книги на французском, немецком и английском, старые журналы, шахматная доска с незаконченной партией. У дальней стены — пианино с закрытой крышкой. Над камином висела картина: море в шторм и крошечный человеческий силуэт на каменном молу.

Мадам Бове принесла им кофе и, прежде чем уйти, сказала:

— Если собираетесь сидеть долго, не оставляйте дверь на террасу открытой.

Элиза обернулась.

Только сейчас она заметила в полумраке стеклянную дверь, ведущую наружу. Между тяжелых штор тянулась узкая полоска черно-серой ночи.

— Мы не собирались выходить, — сказала она.

— В этом доме не всегда сначала собираются, — ответила мадам Бове и удалилась.

Элиза проводила ее взглядом.

— Удивительная женщина.

— Да, — сказал Адриан. — Она умеет предупреждать так, что после этого вопросов становится только больше.

Они сели у камина — не слишком близко, но и не так далеко, чтобы говорить через всю комнату. Элиза взяла чашку, вдохнула горький запах кофе и вдруг поняла, что давно не сидела вот так: в незнакомом месте, напротив незнакомого мужчины, не притворяясь, что все в ее жизни под контролем.

— Вы женаты? — спросила она неожиданно для самой себя.

Адриан не удивился.

— Нет.

— Были?

— Почти.

Это слово осталось между ними, как дверь, приоткрытая в темный коридор.

— А вы? — спросил он.

Элиза усмехнулась безрадостно.

— Тоже почти.

Он понял сразу. Она увидела это по его лицу — не сочувствие, а узнавание той конкретной боли, когда рушится не оформленный союз, а будущее, которое уже успел считать своим.

— Давно? — спросил он.

— Недавно настолько, чтобы все еще отвечать «нормально», когда хочется сказать совсем другое.

Адриан медленно кивнул.

— Это тяжелая стадия.

— А потом легче?

Он посмотрел в огонь.

— Потом становится тише. Но тишина не всегда означает покой.

Элиза опустила чашку на блюдце.

— Вы все время говорите так, будто знаете про меня больше, чем следует.

— Возможно, потому что люди после потери удивительно похожи, — сказал он. — Они приезжают в такие места с одинаковым выражением лица. Как будто боятся, что если останутся, их догонит жизнь, от которой они уехали.

— А вас что догоняет?

Он не ответил сразу.

Снаружи ударил ветер. Где-то в глубине дома снова послышался тот самый короткий женский смех — или Элизе только показалось.

— Память, — сказал Адриан.

— О ком?

— Не уверен, что смогу ответить так, чтобы это прозвучало разумно.

Элиза хотела сказать, что после сегодняшнего вечера ее критерии разумного заметно изменились, но не успела.

В гостиной сами собой качнулись шторы у двери на террасу.

Не сильно. Но отчетливо.

Элиза резко подняла голову.

— Окно открыто?

— Нет, — тихо сказал Адриан.

Шторы качнулись снова.

Потом за стеклом, с другой стороны двери, на секунду мелькнул силуэт. Женский. Светлый. Как будто кто-то в длинном платье прошел мимо по террасе.

Элиза встала так резко, что чашка звякнула о блюдце.

— Вы это видели?

Адриан тоже поднялся.

— Да.

На этот раз он выглядел не удивленным, а настороженным.

— Кто там?

Он подошел к двери, но не сразу коснулся ручки.

— Адриан? — тихо сказала Элиза.

— Не открывайте двери, если вас позовут по имени, — произнес он, не оборачиваясь.

— Что?

Он повернулся к ней.

И в его лице впервые не было ни спокойствия, ни мягкой иронии. Только серьезность, от которой у нее внутри все сжалось.

— Что бы вы ни услышали ночью, Элиза, не открывайте дверь сразу. Сначала убедитесь, что за ней действительно кто-то есть.

— Вы сейчас шутите?

— Нет.

В следующее мгновение по ту сторону стекла раздался тихий стук.
Один. Потом второй.
И женский голос, едва различимый за ветром, произнес:
— Элиза...
Она застыла.
Потому что этот голос был ей знаком.
Не просто знаком.
Это был ее собственный голос.

Глава 3. Шаги за стеной

Элиза не сразу поняла, что отступает назад.

Один шаг. Потом еще один.

Взгляд был прикован к стеклянной двери, за которой дрожала темнота, а в ушах все еще стояло это тихое: «**Элиза...**» — произнесенное ее собственным голосом, с той же мягкой хрипотцой на последнем слоге, которая появлялась у нее после усталости или долгого молчания.

— Нет, — выдохнула она. — Нет.

Адриан уже стоял между ней и дверью.

Стук не повторился. Только ветер терся о стекло, и шторы едва заметно вздрагивали у пола. Казалось, если сейчас резко распахнуть дверь, снаружи не окажется ничего, кроме узкой каменной террасы, мокрой от дождя, и черной пустоты над обрывом.

— Вы слышали? — спросила Элиза. Голос прозвучал выше обычного. — Вы же слышали это?

— Да.

— Это был мой голос.

— Я знаю.

Спокойствие, с которым он это сказал, испугало ее почти сильнее самого голоса.

— Откуда вы знаете? Что это вообще значит?

Адриан не ответил сразу. Он все еще смотрел на дверь, словно ждал, что за стеклом что-то появится снова.

— Иногда дом пробует разные способы, — сказал он наконец.

— Дом?

— Отель. Это место. Называйте как хотите.

— Вы говорите так, будто это нормально.

— Нет. Я говорю так, будто это уже случилось.

Элиза коротко рассмеялась — резко, почти зло.

— И вы считаете, что это должно меня успокоить?

— Нет. Но это полезнее, чем врать вам.

Она сжала пальцы в кулак. Хотелось сделать что-то простое и убедительное: открыть дверь, убедиться, что там никого нет, или, наоборот, увидеть человека из плоти и крови, чтобы мир снова стал понятным. Но взгляд Адриана ясно говорил: **не надо**.

— Объясните мне, — сказала она тише. — Хоть что-нибудь.

Он чуть покачал головой.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что если я начну объяснять это так, как понимаю сам, вы либо решите, что я сумасшедший, либо подумаете, что вас пытаются втянуть в чью-то дурную игру.

— А есть третий вариант?

— Есть. Но до него люди доходят слишком поздно.

Элиза посмотрела на дверь. Тишина за стеклом теперь казалась почти осязаемой, как присутствие. В темноте отражалась гостиная: огонь в камине, спинка кресла, ее собственное бледное лицо. Никакой женской фигуры.

— Если это шутка, — медленно произнесла она, — то я завтра же уеду.

— Возможно, это было бы самым разумным решением.

Она резко повернулась к нему.

— Но вы не думаете, что я уеду.

Адриан помолчал.

— Нет.

— Почему?

— Потому что люди редко уезжают сразу после того, как место показывает им что-то личное.

Его слова задела ее. Не потому, что были неприятны — потому, что в них было слишком много правды. Элиза уже чувствовала это внутри себя: страх не вытеснял любопытство, а только делал его сильнее.

— Это вы всем новеньким говорите? — спросила она.

— Обычно нет.

— А что обычно?

— Обычно они сначала делают вид, что ничего не произошло.

Элиза села обратно в кресло почти против воли, будто ноги внезапно перестали держать ее. В камине тихо треснуло полено. Обычный звук показался драгоценным.

Адриан не сел. Он подошел к двери, задернул шторы плотнее и только после этого вернулся к камину.

— Вам лучше подняться к себе, — сказал он. — И запереть дверь изнутри.

— Это звучит чудесно.

— Элиза.

Он произнес ее имя спокойно, но так, что она подняла глаза.

— Я не пытаюсь вас напугать. Я пытаюсь сделать так, чтобы эта ночь прошла как можно тише.

— А дальше? Завтра? Следующая ночь?

— Завтра будет видно.

— Это ваш любимый ответ?

— Здесь — да.

Она хотела спросить еще что-то, но в дверях появилась мадам Бове. Как и всегда, беззвучно, будто возникла из тени коридора.

— Уже поздно, — сказала она. — Мадемуазель Морен, вам лучше отдохнуть.

Элиза встала.

— Вы тоже это слышали? На террасе?

Мадам Бове посмотрела на нее внимательно.

— Я слышала ветер.

— И все?

— На первый вечер этого достаточно.

— Перестаньте говорить загадками, — устало бросила Элиза. — Если в этом доме принято считать нормальным, что человека зовет его собственный голос, мне стоило узнать об этом до бронирования.

Мадам Бове не обиделась.

— Если бы люди знали все заранее, они бы не приезжали туда, где им действительно придется смотреть на правду.

— Какую правду?

— У каждого свою.

Элиза прикрыла глаза на секунду. Спорить было бессмысленно. Все в этом доме отвечали так, будто знали нечто, чего она пока не заслужила услышать прямо.

Адриан поднял ее чашку и поставил на поднос.

— Я провожу вас до комнаты.

— Не нужно, — автоматически сказала она.

— Нужно.

В голосе не было давления. Только уверенность, с которой трудно спорить.

Они вышли в коридор. Гостиная сразу осталась позади — с огнем, светом, запахом кофе. Здесь, в длинном полутемном проходе, отель снова становился другим: более старым, более пустым, как будто отбрасывал дневную маску и показывал собственное лицо. Лампы на стенах горели тускло. За окнами чернела ночь.

Идти рядом с Адрианом оказалось странно легко. Элиза слышала его шаги — ровные, спокойные — и это почему-то возвращало ощущение опоры. Она сердилась на себя за это. Незнакомые мужчины не должны так быстро становиться единственным понятным предметом в непонятном доме.

— Вы действительно считаете, что мне угрожает опасность? — спросила она, когда они подошли к лестнице.

— Да.

— От кого? От привидений?

— От желания открыть дверь тогда, когда не стоит.

— Очень конкретно.

Он взглянул на нее.

— Иногда опасно не то, что стоит снаружи. А то, почему тебе хочется впустить это внутрь.

Элиза ничего не ответила.

Они поднялись на второй этаж. Внизу часы пробили десять — глухо, слишком громко для пустого дома. На площадке между этажами висело высокое зеркало в овальной раме. Проходя мимо, Элиза машинально посмотрела в него — и на долю секунды ей показалось, что отражение запаздывает.

Будто она уже прошла, а женщина в зеркале еще стояла, повернув голову в сторону темного коридора.

Элиза резко остановилась.

— Что?

Адриан тоже остановился.

— Ничего.

Она не была уверена, сказала ли это ему или себе.

Когда они дошли до третьего этажа, коридор встретил их полной неподвижностью. Ни шагов. Ни голосов. Только слабый запах лаванды и соли.

У двери в номер двенадцать Адриан остановился.

— Запритесь.

— Я уже поняла.

— И не открывайте никому до утра. Даже если услышите знакомый голос.

— Даже если это будете вы?

Он чуть помедлил.

— Особенно если это буду я.

Холод пробежал у нее по коже.

— Это совсем не помогает.

— Знаю.

Она вставила ключ в замок, но не повернула.

— Адриан.

— Да?

— Почему вы мне помогаете?

Он посмотрел на нее так, словно вопрос был труднее, чем все предыдущие.

— Потому что когда-то мне никто не объяснил это в первую ночь.

И прежде чем она успела спросить еще хоть что-нибудь, он отступил назад.

— Спокойной ночи, Элиза.

— Сомнительное пожелание.

Едва заметная улыбка мелькнула у него на лице.

— Все равно попытайтесь.

Она вошла в номер и сразу заперла дверь. Потом проверила замок еще раз. И еще.

Только после этого позволила себе выдохнуть.

Комната выглядела точно так же, как час назад: застеленная кровать, чемодан у шкафа, лампа на столике, темное окно. Но теперь привычные вещи казались тонкой декорацией, за которой скрывалось что-то чужое и внимательное.

Элиза включила все лампы сразу.

Свет немного помог. Она умылась холодной водой, переделалась в домашние брюки и свитер, попыталась разобрать чемодан, но руки действовали механически. Мысли возвращались к одному и тому же: голос на террасе. Собственный голос. И это нелепое, совершенно невозможное чувство, что страх не отменяет тяги узнать больше.

Она села на кровать и взяла телефон.

Сети не было.

Ни сообщения отправить, ни открыть карту, ни хотя бы найти отзывы об отеле, которых она почему-то не прочитала заранее. Только собственное отражение в черном экране.

— Отлично, — пробормотала она.

Ветер усиливался. Где-то далеко ударила волна. Дом чуть заметно дрогнул, как человек во сне.

Элиза заставила себя лечь, хотя сон казался невозможным. Она оставила включенной лампу у кровати и долго смотрела в потолок, где от света качались смутные тени.

Минуты тянулись вязко.

Потом — то ли через десять минут, то ли через час — она услышала шаги.

Сначала далеко. Где-то в начале коридора.

Медленные. Негромкие. Как будто кто-то шел босиком или в очень мягкой обуви.

Элиза мгновенно села в постели.

Шаги приближались.

Остановились у соседней двери. Потом двинулись дальше. Снова пауза. Еще несколько шагов.

Она смотрела на дверь, не моргая.

Коридор за ней казался живым существом, дышащим в темноте.

Шаги остановились прямо у ее номера.

В комнате стало так тихо, что она слышала собственное дыхание. Сердце билось где-то в горле. Ей мучительно хотелось подойти к двери и приложить к ней ухо, но предупреждение Адриана удержало на месте.

Прошла секунда. Потом еще одна.

Затем раздался стук.

Тихий. Всего два раза.

Элиза не шевельнулась.

— Элиза, — произнес голос за дверью.

Мужской.

Низкий, спокойный.

Голос Адриана.

На одно безумное мгновение все в ней рванулось к двери. Потому что если это был он — если ему нужно что-то срочно сказать, если действительно есть опасность, если...

Но почти сразу вслед за этим пришло другое воспоминание: «**Особенно если это буду я**».

Элиза сжала край одеяла так, что ногти впились в ладонь.

— Элиза, откройте.

Тот же голос. Тот же тон. Ни капли фальши.

Она молчала.

Снаружи тоже наступила пауза.

Потом голос заговорил снова, уже тише:

— Я знаю, что вы не спите.

У Элизы по спине прошел ледяной холод. Слова были самыми обычными. Именно поэтому они прозвучали страшно.

Она заставила себя сказать:

— Если это правда вы, скажите что-нибудь, что говорили десять минут назад в коридоре. Тишина.

Потом за дверью послышался легкий смешок.

Но это уже был не Адриан.

Смех был мягким, почти ласковым, и в нем слышалось что-то женское.

— Ты же все равно откроешь не мне, — произнес голос.

Снова ее собственный.

Элиза вцепилась в одеяло обеими руками и почувствовала, как дрожат колени. Ужас был настолько чистым, что не оставлял места ни для логики, ни для стыда.

Шаги за дверью двинулись дальше.

Неторопливо. Словно тот, кто стоял там, вовсе не торопился. Словно был уверен, что ночь длинная и еще успеет вернуться.

Когда звуки растворились в глубине коридора, Элиза еще долго сидела, не двигаясь.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем смогла снова дышать ровнее. Лампа горела все так же. Ветер стучал ветками в окно. Мир снаружи выглядел настолько обыкновенным, что пережитое начинало казаться сном.

А потом из-за стены донесся плач.

Очень тихий. Женский.

Сначала Элиза решила, что ослышалась. Но звук повторился — короткий, сдавленный, как будто кто-то в соседнем номере пытался плакать беззвучно, уткнувшись лицом в подушку.

Она спустила ноги с кровати и замерла.

Плач не прекращался. Напротив — становился чуть отчетливее. И теперь в нем слышалось не просто горе, а отчаяние, которое невозможно слушать спокойно.

Элиза подошла к стене, отделявшей ее комнату от соседней.

Приложила ладонь.

Холодная.

Плач продолжался, и вместе с ним слышалось тихое бормотание — слов нельзя было разобрать, только ритм, будто женщина повторяла одно и то же.

Элиза отступила. Потом снова приблизилась. В голове уже начала складываться самая простая, разумная версия: одной из постоялиц плохо. Может быть, это мадам Вернье. Может быть, кому-то нужна помощь. Нельзя же сидеть и ничего не делать только потому, что все в этом доме любят театральные предупреждения.

Она посмотрела на дверь.

Подойти? Позвать? Постучать в стену?

Плач вдруг оборвался.

Наступила полная тишина.

А через секунду с той стороны стены раздался голос.

Тихий. Очень близкий.

— Элиза... ты ведь слышишь меня?

Она отшатнулась так резко, что ударилась бедром о край стола.

Потому что это снова был ее собственный голос.

Не за дверью. Не в коридоре.

За стеной. В комнате, которая, насколько она помнила, по планировке должна была быть пустой.

— Не подходи, — прошептала Элиза себе под нос.

Голос за стеной вздохнул — почти с жалостью.

— Я просто хочу, чтобы ты вспомнила.

После этого воцарилась тишина.

Ни плача. Ни шагов. Ничего.

Элиза стояла посреди освещенной комнаты, тяжело дыша, и впервые с момента приезда совершенно ясно поняла: если она доживет до утра и не уедет немедленно, то только потому, что какая-то часть ее уже попалась.

Не на страх.

На обещание.

Потому что где-то глубоко под ужасом шевельнулась мысль, от которой стало еще холоднее:

А что, если этот голос действительно знает то, чего не помнит она сама?

Глава 4. Утро после голосов

Элиза почти не спала.

Под утро она все-таки провалилась в тяжелую, неровную дрему, из которой то и дело выныривала, не сразу понимая, где находится. Несколько раз ей казалось, что кто-то стоит у окна. Один раз — что в коридоре снова слышны шаги. Но, открывая глаза, она видела только серый свет раннего утра, тяжелые шторы и неподвижную мебель.

Когда она окончательно села на кровати, голова была тяжелой, во рту пересохло, а тело ломило так, будто ночь она провела не в постели, а на холодном камне.

За окном лежало море.

Дневной свет не сделал его приветливее. Оно было тускло-стальным, под низким облачным небом, и волны накатывали на скалы с таким упорством, словно занимались этим не века, а вечность. Туман рассеялся не до конца. Отель на его фоне казался еще более оторванным от мира, чем ночью.

Элиза подошла к двери и несколько секунд просто смотрела на замок.

Потом осторожно открыла.

Коридор был пуст.

Никаких следов ночных шагов, конечно, не осталось. Ни невозможного голоса, ни плача за стенами. Только ковер, стены, закрытые двери и мягкий утренний свет из узкого окна в конце коридора.

Она постояла, прислушиваясь.

Тишина.

Наконец Элиза решилась сделать то, о чем думала с рассвета: подошла к соседней двери и посмотрела на номер.

Одиннадцать.

Вчера она не обратила внимания, кто там живет. Сейчас дверная ручка была неподвижна, изнутри не доносилось ни звука.

Элиза подняла руку, чтобы постучать, но не сразу решилась.

Стук показался бы естественным, если бы она пришла спросить что-то простое: не нужна ли помощь, не все ли в порядке. Но что она должна была сказать на самом деле? «Простите, ночью из-за стены меня звал мой собственный голос»?

Она все же постучала.

Сначала тихо. Потом чуть громче.

Ответа не было.

Элиза нажала на ручку.

Дверь оказалась не заперта.

Она застыла на месте, потом медленно приоткрыла ее.

Комната была пуста.

Не просто пуста — нежилая. Кровать аккуратно застелена, шторы собраны, на туалетном столике ни одной личной вещи, в воздухе слабый запах закрытого помещения и лаванды. Ни чемодана, ни одежды, ни следов того, что здесь кто-то ночевал.

Элиза вошла на шаг внутрь, сердце снова забилося быстрее.

Планировка номера почти повторяла ее собственную. Та же кровать, тот же шкаф, то же окно на море. Но здесь было холоднее. И почему-то темнее, хотя шторы были раздвинуты.

Она медленно повернулась к стене, за которой находилась ее комната.

Именно оттуда ночью доносился плач.

Элиза подошла ближе. Коснулась ладонью обоев.

Холодно.

Ничего больше.

— Мадемуазель Морен?

Она вздрогнула так сильно, что едва не вскрикнула.

В дверях стояла мадам Бове с подносом в руках — кофейник, чашка, корзинка с круасанами. Лицо у нее было по-прежнему спокойно, но взгляд стал внимательнее.

— Я стучала к вам, — сказала она. — Думала, вы, возможно, захотите кофе раньше завтрака.

Элиза быстро убрала руку от стены.

— Я... услышала ночью, как здесь кто-то плакал.

— В этой комнате никто не живет.

— Я уже заметила.

Мадам Бове вошла внутрь так естественно, будто комната принадлежала ей не меньше, чем отелю.

— Тогда, вероятно, звук шел по трубам или стенам. В старых домах это бывает.

— Нет, — резко сказала Элиза. — Не бывает, чтобы по трубам говорили твоим собственным голосом.

Мадам Бове поставила поднос на столик у окна.

— Вы уверены, что это был именно ваш голос?

— Да.

— Люди редко уверены в себе так же, как в своих потерях.

Элиза устало провела ладонью по лицу.

— Пожалуйста, только не начинайте снова. Если вы что-то знаете — скажите прямо.

— Я знаю только одно, — ответила мадам Бове. — В первую ночь дом всегда проверяет, с чем человек приехал. Не всех одинаково. Но всегда достаточно точно.

— Дом, — повторила Элиза. — Вы серьезно.

— Более чем.

— И что он проверяет во мне?

— Это вам и предстоит понять.

Элиза коротко выдохнула, сдерживая раздражение.

— А если я не хочу ничего понимать? Если я просто хотела пережить разрыв, выспаться и смотреть на море?

Мадам Бове посмотрела на нее с почти материнской жалостью.

— Тогда вам следовало выбрать другой берег.

После этого она направилась к двери.

— Завтрак подают внизу. И, мадемуазель Морен... не заходите больше в пустые комнаты одна.

— Почему?

— Потому что они не всегда пустые, когда в них входят.

И снова ушла, оставив после себя запах кофе и ощущение, что простое утро уже невозможно.

В столовую Элиза спустилась позже обычного. Там оказалось светлее, чем вечером: серый день проходил сквозь окна, делая все менее таинственным и от этого даже более утомительным. Ночные события не выглядели бредом, но приобрели какую-то дневную неловкость. Словно и сам страх при свете утра должен был вести себя приличнее.

За столами сидели те же постояльцы.

Мадам Вернье — прямая, собранная, в темном жакете, с чашкой чая перед собой. Месье Лоран — с газетой, которую он, кажется, не читал. Молодой человек с книгой — сегодня без книги, но с тем же настороженным видом.

И Адриан.

Он сидел у окна, спиной к морю, и пил черный кофе. Дневной свет изменил его не так сильно, как ожидала Элиза. Он оказался реальнее, чем ночью, но не проще. Серые глаза, спокойное лицо, та же внутренняя собранность. Если бы не все, что произошло, она могла бы подумать, что это обычный мужчина, просто чуть более молчаливый, чем другие.

Он поднял голову и увидел ее.

И сразу понял.

Не спросив, не заговорив — просто понял по ее лицу, что ночь не прошла тихо.

Элиза села за свободный стол. Мадам Бове принесла ей кофе, масло, джем и омлет с зеленью.

Несколько минут никто не разговаривал.

Только звякали приборы, шуршала газета, шумело за окнами море.

Потом мадам Вернье вдруг сказала:

— Первый вечер всегда самый грубый.

Элиза подняла на нее взгляд.

Пожилая женщина смотрела не на нее, а в свою чашку.

— Простите? — спросила Элиза.

— Дом еще не знает, насколько далеко можно зайти, — сказала мадам Вернье. — Поэтому сначала действует резко.

— Вы тоже так говорите, будто это живая вещь.

— А вы предпочли бы считать, что сходите с ума?

Элиза открыла рот, но не ответила.

Месье Лоран сложил газету.

— Не стоит пугать мадемуазель Морен с утра, — произнес он сухо.

— Я не пугаю, — возразила мадам Вернье. — Я экономлю ей время.

— Время здесь и без того ведет себя странно, — тихо сказал молодой человек.

Это была первая фраза, которую Элиза услышала от него.

Все посмотрели на него. Он чуть покраснел и опустил взгляд.

— Простите, — пробормотал он. — Я не хотел вмешиваться.

— Напротив, Луи, — сказала мадам Вернье. — Здесь все давно уже вмешались.

Элиза поставила чашку на стол.

— Может быть, кто-нибудь объяснит нормально, что происходит в этом отеле?

— Если бы это можно было объяснить нормально, — сказал Адриан, — вам бы уже объяснили.

Она повернулась к нему.

— Очень полезно, спасибо.

— Я предупреждал вас ночью не открывать.

— Я не открыла.

— Значит, вы все сделали правильно.

— И наградой за это должен быть еще один набор загадок?

Месье Лоран посмотрел на Адриана с плохо скрытым раздражением.

— Сколько вы собираетесь тянуть? — спросил он. — Она имеет право знать хотя бы основы.

— А вы считаете, что основы успокаивают? — спокойно ответил Адриан.

— Нет. Но они избавляют от иллюзии, что все происходящее — личный кошмар.

Мадам Вернье медленно кивнула.

— В этом он прав.

Повисла пауза. Потом Луи — молодой человек — заговорил, не поднимая глаз:

— Иногда люди здесь видят тех, кого потеряли. — Иногда, — добавила мадам Вернье, — не людей, а версии собственной жизни. — Иногда, — сухо сказал Лоран, — то, что им следовало бы давно забыть.

Элиза посмотрела на каждого по очереди.

— И вы произносите это так, будто давно с этим смирились.

— Смирение и привычка — не одно и то же, — ответила мадам Вернье.

— Это место что, показывает галлюцинации? — спросила Элиза. — Подсовывает воспоминания? И все просто сидят с этим за завтраком?

— Если бы это были просто галлюцинации, — сказал Лоран, — я бы уехал в первый же день.

— Тогда что это?

На этот раз никто не ответил сразу.

Адриан поставил чашку.

— Это место находит в человеке то, что осталось незавершенным.

— Это звучит как рекламный слоган для нервного срыва.

— Возможно.

Элиза почувствовала, что начинает злиться по-настоящему. Не от страха — от бессилия.

— Хорошо. Тогда еще проще. Что именно вы все здесь увидели?

Мадам Вернье сжала пальцы на блюде.

— Моего мужа, — сказала она. — Таким, каким он был в тот год, когда еще любил меня и не успел стать чужим.

Лоран усмехнулся без веселья.

— Удобно, что дом умеет находить именно нужную версию людей.

— А вы? — спросила Элиза.

Он долго молчал.

— Сына, — произнес наконец. — В двенадцать лет. До того, как я позволил ему перестать со мной разговаривать. — Он умер? — тихо спросила Элиза. — Нет. Хуже. Он жив и не хочет меня знать.

Никто не прокомментировал это признание.

Элиза перевела взгляд на Луи.

Тот заметно побледнел.

— Я вижу себя, — сказал он почти шепотом. — Только... не такого.

— Какого? — спросила Элиза.

Он поднял глаза — впервые прямо.

— Смелого.

В столовой снова стало тихо.

Элиза медленно повернулась к Адриану.

— А вы?

Он выдержал ее взгляд.

— Не сейчас.

— Почему, черт возьми, не сейчас?

— Потому что вы и так слишком мало спали.

Это было настолько неуместно, что она невольно почти рассмеялась.

— Удивительно заботливо.

— Просто правда.

Она хотела ответить что-то колкое, но тут заметила движение за окном.

На дорожке, ведущей к обрыву, стояла женщина.

Молодая. В светлом пальто. С непокрытой головой, несмотря на ветер.

Элиза нахмурилась. Что-то в ее фигуре показалось знакомым.

— Кто это? — спросила она, не отводя взгляда.

Все в столовой замерли.

— Где? — тихо сказал Лоран.

— Там, у дорожки.

Адриан резко встал.

Элиза смотрела в окно, чувствуя, как внутри с каждым ударом сердца нарастает ледяное узнавание.

Женщина стояла вполоборота.

И это была не она сама. Не призрачное отражение. Не ночной голос.

Это была Камила.

Та самая женщина, к которой ушел Тома.

Элиза знала это лицо слишком хорошо — по случайно увиденной фотографии, по профилю в сети, который один раз открыла и потом ненавидела себя за это, по мучительной памяти о красивой, легкой, живой женщине, ради которой ее оставили как что-то тяжелое и уже ненужное.

— Нет, — тихо сказала Элиза.

У нее сразу пересохло во рту.

Камила стояла на ветру и смотрела прямо на окно столовой.

На Элизу.

Лицо у нее было спокойное. Почти печальное.

Потом она медленно подняла руку — и поманила ее к себе.

— Не выходите, — сказал Адриан.

Но Элиза уже поднялась.

— Это невозможно.

— Именно поэтому не выходите.

— Это она.

— Нет, — резко сказал он. — Это то, что знает, как выглядеть ею.

Элиза почти не слышала. Все внутри нее уже сорвалось с места — не разум, не даже надежда, а тот унижительный остаток боли, который после предательства хочет не исцеления, а еще одного взгляда. Еще одного подтверждения. Еще одного удара, если потребуется.

Камила снаружи не двигалась. Просто ждала.

— Элиза, — сказал Адриан тише, но жестче. — Посмотрите на меня.

Она не сразу смогла отвести взгляд от окна.

— Посмотрите на меня.

Она повернулась.

Он стоял совсем близко.

— Если выйдете сейчас, оно поймет, что нашло верную дверь.

— Ты говоришь так, будто это охотится.

— А оно и охотится. Только не за телом.

За окном Камила улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Так, будто знала, что ее уже узнали.

И в этот момент Луи выронил чашку.

Фарфор разбился о пол с резким, почти спасительным звоном.

Элиза вздрогнула и на секунду потеряла из виду окно.

Когда все снова посмотрели наружу, дорожка была пуста.

Только ветер нес по камням мокрые листья.

Элиза медленно опустилась обратно на стул.

Руки у нее дрожали.

Мадам Бове, появившаяся словно из воздуха, молча начала собирать осколки.

— Простите, — пробормотал Луи.

— Ничего страшного, — сказала она.

Но в ее голосе слышалось совсем другое: тревога.

Элиза не сводила глаз с окна.

— Я видела ее.

— Да, — тихо сказал Адриан.

— Это не могла быть она.

— Нет.

— Но лицо было ее.

— Да.

Элиза закрыла глаза на секунду.

— Я хочу выйти отсюда.

— Из столовой? — спросил Лоран.

— Из этого разговора. Из этого отеля. Из всего.

— Это нормальное желание, — сказала мадам Вернье. — Обычно оно проходит к вечеру.

— Замечательно.

Адриан взял со стола ее нетронутую чашку и подал ей.

— Выпейте кофе.

— Не думаю, что кофе решает такие вещи.

— Нет. Но он помогает не упасть в обморок.

Она посмотрела на него почти с раздраженным отчаянием, но чашку взяла.

Именно в этот момент мадам Бове, не поднимая головы от осколков, произнесла:

— Сегодня ночью коридоры лучше не переходить без необходимости.

Все замолчали.

Лоран первым нарушил тишину:

— Уже началось?

Мадам Бове выпрямилась.

— Да.

— Что именно? — резко спросила Элиза.

Старшая женщина посмотрела на нее очень спокойно.

— Теперь отель знает, за кого вы готовы пойти. Значит, следующим будет тот, к кому вы готовы вернуться.

Глава 5. Край скалы

После завтрака Элиза еще некоторое время оставалась в гостиной, делая вид, что рассматривает книги на полке. На самом деле она просто пыталась успокоить дыхание и собрать мысли в нечто более полезное, чем тупой внутренний шум.

Камила.

Даже сейчас это имя отзывалось в ней не только болью, но и унижением, которое она считала уже пережитым. Оказалось — нет. Достаточно было одного взгляда в окно, одного знакомого лица на дорожке у обрыва, чтобы все снова вскрылось: ночи, в которые она перебирала детали разрыва, пытаясь понять, где именно начала проигрывать той, другой; бессмысленное сравнение; злость на Тома; еще большая злость на себя за то, что вообще позволила этой женщине стать мерилom собственной ценности.

— Вы побледнели, — сказал Адриан.

Он стоял у камина, уже в пальто, с тонкими кожаными перчатками в руке.

— Спасибо, очень ободряет.

— Я не ободряю. Я предлагаю выйти.

Элиза повернулась к нему.

— Вы серьезно?

— Да.

— После того, что я только что видела, вы зовете меня гулять к обрыву.

— Именно поэтому.

Она посмотрела на окна гостиной, за которыми ветер гнал по стеклу влажный свет.

— И в чем логика?

— В том, что внутри отеля оно ближе. Снаружи проще думать.

Это был странный аргумент, но после всего услышанного он звучал почти разумно.

— А если я не хочу никуда идти с человеком, который отвечает загадками и появляется в коридоре как предупреждение из плохого сна?

— Тогда можете остаться здесь и ждать вечера.

Элиза прищурилась.

— Вы ужасно умеете уговаривать.

— Меня редко за это хвалят.

Несмотря на усталость, она вдруг почувствовала почти болезненное желание не оставаться одной. Ни в комнате, ни в гостиной, ни среди этих людей с их спокойным знанием о чужих призраках.

— Хорошо, — сказала она. — Но если это закончится тем, что из тумана выйдет еще кто-то из моей прошлой жизни, я официально обвиню вас во всем.

— Справедливо.

Дорожка за отелем вела вдоль низкой каменной ограды к краю скалы. Днем все вокруг выглядело сурово, но не мрачно: темная трава, мокрые кусты, острые серые камни, белая пена внизу. Ветер здесь был сильнее, чем у входа, и сразу пробирал до костей.

Элиза подняла воротник пальто.

— Если у этого места есть хоть одна привлекательная сторона, кроме способности вызывать нервный срыв, я пока ее не обнаружила.

— Море, — сказал Адриан.

— Оно выглядит так, будто хочет всех убить.

— В Бретани это считается честностью.

Она фыркнула, почти против воли.

Несколько минут они шли молча. Отель оставался позади — темный, каменный, с окнами, в которых даже днем было что-то настороженное. Снаружи он казался меньше, чем изнутри, как будто часть пространства прятал в себе.

— Вы уже давно знаете, что здесь происходит? — спросила Элиза.

— Не настолько, чтобы говорить «знаю».

— Но достаточно, чтобы раздавать инструкции ночью.

— Да.

— Вы были здесь раньше?

Адриан не сразу ответил.

— Да.

— Сколько раз?

— Дважды. Это третий.

Элиза остановилась.

— Вы возвращаетесь сюда по собственной воле?

Он тоже остановился и обернулся к ней.

— Это сложный вопрос.

— Нет. Очень простой. Либо да, либо нет.

— Тогда нет.

Она несколько секунд смотрела на него, не понимая.

— Что это значит?

— Это значит, что сначала человек выбирает сам. Потом — не всегда.

Ветер рванул край ее шарфа. Элиза крепче сжала ткань у горла.

— Вы хотите сказать, что отсюда нельзя просто уехать?

— Можно.

— Но?

— Но не всем сразу удастся по-настоящему выйти.

Элиза покачала головой.

— Вы осознаете, как безумно это звучит?

— Постоянно.

Они дошли до площадки у самого края обрыва. Здесь стояла старая деревянная скамья, слишком выцветшая и мокрая, чтобы на нее садиться. Внизу, далеко под ними, море разбивалось о скалы с медленной яростью.

Элиза посмотрела вниз и тут же сделала шаг назад.

— Ненавижу высоту.

— Тогда не подходите близко.

— Ценный совет.

Адриан встал рядом, но не слишком близко. С ним было странно легко молчать. И столь же странно — легко раздражаться. Он не пытался успокаивать ее привычными словами, не задавал ненужных вопросов, не изображал сочувствие. И именно поэтому рядом с ним она чувствовала себя менее уязвимой, чем должна была.

— Кем вы были до всего этого? — спросила она вдруг.

— До отеля?

— Да.

— Архитектором.

Она удивленно посмотрела на него.

— Серьезно?

— Вас это разочаровало?

— Немного. Я ожидала что-нибудь вроде «человек с темным прошлым», «бывший психиатр» или «моряк, потерявший память».

— Простите.

— А теперь?

Он едва заметно пожал плечами.

— Теперь я в основном человек, который слишком хорошо запоминает старые дома.

Элиза оперлась ладонями на влажный камень ограды.

— А я переводчица.

— Я знаю.

Она резко повернулась.

— Откуда?

— Вы указали профессию в регистрационной карточке вчера вечером.

— Ах да.

Ей стало неловко от того, как быстро она решила, что он знает о ней что-то большее.

— Простите, — сказала она. — Я, кажется, уже не очень различаю, где кончается обычная информация и начинается... все остальное.

— Это нормально.

— Вы слишком часто говорите «это нормально» о вещах, которые явно ненормальны.

— Возможно, потому что паника редко помогает.

Она хотела ответить, но взгляд упал на его руку.

На безымянном пальце правой — не левой — руки было тонкое серебряное кольцо. Не обручальное, скорее старое, почти стершееся.

— «Почти» женаты, да? — спросила Элиза.

Адриан опустил взгляд на руку, будто только сейчас вспомнил о кольце.

— Да.

— И все еще носите?

— Иногда забываю снять.

— А иногда не забываете?

Он усмехнулся уголком рта.

— Вы довольно прямолинейны для человека, который всю ночь пытался не сойти с ума.

— Одно другому не мешает.

Ветер трепал его волосы, и в этот момент он вдруг показался ей не загадочным, а просто уставшим. Не красивой усталостью из кино, а настоящей — той, что появляется у людей, слишком долго живущих рядом с виной или потерей.

— Ее звали Анна, — сказал он.

Элиза не сразу поняла, о ком он.

— Вашу невесту?

— Да.

Он произнес имя спокойно, но в этой спокойности было слишком много усилия.

— И что случилось?

Адриан долго смотрел на море.

— Я должен был встретить ее на вокзале. Мы поссорились накануне. Ничего особенного, из тех ссор, после которых люди уверены, что у них еще будет время договорить нормально. Я задержался. Не взял трубку. Решил, что сначала остынем оба, а потом поговорим.

Элиза почувствовала, как холодеют пальцы.

— Она не доехала?

Он кивнул.

— Авария на трассе. Ничего драматичного даже. Снег, плохая видимость, грузовик на повороте. Мне потом сказали, что все произошло быстро.

Он замолчал.

Море внизу ударило о скалы так, словно подтверждало каждое слово.

— И вы... — начала Элиза, но не договорила.

— И я приехал сюда через год, — закончил он за нее. — Потому что кто-то сказал мне, что здесь иногда можно услышать незавершенные разговоры.

Она медленно выпрямилась.

— Вы слышали?

Он посмотрел на нее.

— Да.

— И?

— С тех пор я не уверен, что тишина лучше.

Элиза не знала, что сказать. Все банальные фразы были бы оскорблением. «Мне жаль» — слишком мало. «Это не ваша вина» — слишком смело, когда человека столько лет держит именно вина.

— Поэтому вы сказали, что когда-то вам никто ничего не объяснил в первую ночь, — тихо сказала она.

— Да.

— И вы открыли дверь?

На его лице мелькнуло что-то жесткое.

— Да.

Она не стала спрашивать, что произошло потом. По тому, как он отвел взгляд, было ясно: ответ еще живой.

Несколько секунд они стояли молча. Потом Элиза вдруг сказала:

— Я почти ненавижу себя за то, что все еще хочу понять, зачем он это сделал.

— Тома?

Она кивнула.

— Я знаю факты. Он ушел. К другой. Этого должно быть достаточно. Но внутри остается что-то унижительное — желание найти такую причину, при которой это не будет означать, что со мной просто стало невозможно жить.

— Это не унижительно, — сказал Адриан.

— Нет, именно унижительно. Особенно когда понимаешь, что тебя интересует не любовь уже, а приговор. Хочется знать формулировку.

Адриан посмотрел на нее очень спокойно.

— Люди уходят не всегда потому, что рядом кто-то плохой. Иногда потому, что сами слишком слабы для того, что им предлагают рядом.

— Это очень красивая версия.

— Возможно.

— И слишком удобная.

— Не для тех, кто остался.

Она опустила глаза.

Ветер бил в лицо, и от этого легче было не показывать, как вдруг зашипало в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.